

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.3.2>

UDC 124.5

BBK 87.53

MATRIX OF “CULTURAL DISADVANTAGE”

Vera A. Serkova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the matrix as a special form of understanding and describing the phenomena of a foreign culture. The principles of the formation of ideas about the “cultural disadvantage” of Russians are analyzed. Over time, the “Western” discourse about Russia becomes more sophisticated and harsher; it can take the form of economic sanctions, political pressure, recommendations, and clothe itself in the form of “soft” and “hard” power. But its structure remains unchanged, which allows us to see the matrix basis of this kind of representations. The matrix construction is used as a set of initial assessments in the attitude of “cultural disadvantage”. To analyze the matrix construction as an organization of ideas about a different culture, the authors of the 19th century Germaine de Stael and Astolphe de Custine are involved, who, to varying degrees, expressed their ideas about the “cultural disadvantage” of Russians. In modern discourse, this practice has found expression in the Eurocentric theoretical constructions of S. Huntington and L. Harrison. The contradiction between the Eurocentric thesis about the uniqueness of Western culture and tactical, pragmatic, applied programs of reforming and reformatting non-European cultures according to the European model is shown. The article analyzes the main points of criticism of Eurocentrism by E. Said in his concept of “orientalism”. The concept of the “east”, in a broad sense, is formed in the European tradition not as an alternative to the West, but as its invention, its quasi-object. “East” is a special tactic of opposing the “center” and the periphery, of historical progress beyond historical immobility. The East does not correlate with the usual scale of periodization of European culture. It always remains backward by definition, due to the absence of Western stages of development (the Enlightenment, as an option – the Renaissance, modernity, imperialism and similar historical periods).

Key words: civilizational matrix, Russian culture, Eurocentrism, cultural disadvantage, Astolphe de Custine, Germaine de Stael, Samuel Huntington.

УДК 124.5

ББК 87.53

МАТРИЦА «КУЛЬТУРНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ»

Вера Анатольевна Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется матрица как особая форма понимания и описания явлений иной культуры. Анализируются принципы формирования представлений о «культурном неблагополучии» русских. «Западный» дискурс о России со временем становится изощреннее и жестче, он может принимать форму экономических санкций, политического давления, рекомендаций, облекаться в форму «мягкой» и «жесткой» силы. Но его структура остается неизменной, что позволяет видеть матричную основу такого рода представлений. Матричная конструкция применяется как набор исходных оценок в установке «культурного неблагополучия». Для анализа матричной конструкции как организации представлений об иной культуре привлекаются идеи авторов XIX в. Жермены де Сталь и Астольфа де Кюстина, которые в разной степени выразили представления о «культурном неблагополучии» русских. В современном дискурсе такая практика получила выражение в европоцентристских теоретических конструкциях С. Хантингтона, Л. Харрисона. Показано противоречие между европоцентристским тезисом об уникальности западной культуры, и тактическими, прагматическими, прикладными программами реформирования и переформатирования неевропейских культур по европейскому образцу. В статье анализируются основные аргументы кри-

тики европоцентризма Э. Саидом в его концепции «ориентализма». Представления о «востоке», в широком смысле, формируются в европейской традиции не как альтернатива «запада», а как ее изобретение, ее квази-объект. «Восток» – это особая тактика противопоставления «центра» и «периферии», исторического прогресса и вне-исторической неподвижности. Восток не коррелирует с привычной шкалой периодизации европейской культуры. Он остается всегда отсталым по определению, в силу отсутствия западных стадий развития (Просвещения, Возрождения, модерна, империализма и тому подобных исторических периодов).

Ключевые слова: цивилизационная матрица, русская культура, европоцентризм, культурное неблагополучие, Астольф де Кюстин, Жермена де Сталь, Самюэль Хантингтон.

Во все времена у России было великое множество критиков как внутри страны, так и за ее пределами. Особая их категория – европейские путешественники по России. Среди западных гостей были и те, кто посещал Россию с целью инспектирования возможности причисления русских к цивилизованному сообществу, а русской культуры – к образцовой европейской. Осуществлялись поездки в Россию со специальной миссией. Так французская аристократка и писательница г-жа Жермена де Сталь прибывает в Россию в 1812 г. в самом начале наполеоновского нашествия, когда император Бонапарт, ее личный враг, со своей армией почти нагнал путешественницу у Москвы. Де Сталь добралась до Петербурга, оттуда направилась в Финляндию, затем в Англию. Россию она описала в своих путевых заметках. Ее впечатления были, в общем, для русских благоприятными: «Я не нашла ничего дикого в этом народе» [1812 год... 1991, 25]. А следовало искать? Разумеется, негативное, поскольку самые непосредственные впечатления в описаниях российской действительности у иностранцев, как правило, накладываются на заложенную в их основе матрицу «культурного неблагополучия русских» (русских традиций, русского характера, русской политической системы, русской архитектуры, даже русского пейзажа).

Г-жа де Сталь на двадцать пять лет опередила еще более знаменитого европейского супервизора маркиза Астольфа де Кюстина, известного своим антироссийскимopusом «Россия в 1839 году». Его описания России были уже откровенно недоброжелательными. Источником сведений о России для маркиза явились, в основном, иностранцы, живущие в России. Но иногда его конфидентами становятся русские, в первую очередь те, чьи мнения согласовывались с исходной установкой: «Россия – не Европа». Россия отягощена,

с точки зрения этих двух ее ревизоров, «азиатчиной», в более широком цивилизационном контексте – «востоком». Так, де Сталь пишет о русских, что они «по природе своей жители Востока» [1812 год... 1991, 25], что обычаи Азии в России «попадают на каждом шагу» [1812 год... 1991, 51]. Понятия «восток» и «Азия» употребляются в самоочевидном значении, которое нет нужды и прояснять, но, если вдруг появляется в этом необходимость, то список признаков «азиатчины» будет весьма неожиданным: это и торговые учреждения, устроенные на азиатский лад, и «дочери востока» смольнянки – выпускницы института благородных девиц [1812 год... 1991, 34, 56], и «византийская мелочность», и «татарская свирепость», и «греческий этикет», и «азиатская дикая отвага» [Кюстин 2008, 75].

«Восток» используется иностранцами как культурный код для дешифровки всего того, что не соответствует матричной основе цивилизованности, просвещенного вкуса, западной окультуренности и «правильного» развития в соответствии с ценностями западного культурного благополучия и процветания. И де Сталь, и де Кюстин проявляют вполне осознанный, но спонтанный европоцентризм; у них не стоит, вероятно, искать ответ на вопрос о том, что, собственно, можно считать «подлинно европейским» и «подлинно культурным». Основанием их оценки является установка: цивилизацией должно называться все, что породил европейский «запад». Все остальное – это дикость, варварство, нецивилизованность; «восток» в лучшем случае – это экзотика, этнография, либо древняя завершившаяся история уже несуществующих культур, либо материал для сравнительной или описательной антропологии.

Матричная природа европоцентризма стала очевидной после того, как прояснился его идеологический код. Н.Я. Данилевский,

К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер выступили дешифровщиками этого кода. Жесткая матричная форма западного цивилизационного превосходства прояснялась в XX столетии благодаря как противникам, так и выразителям идеи европоцентризма, а связанная с нею матричная программа становилась теоретически продуманной и практически отработанной.

Что составляет основу матричной конструкции как аналитической оценочной процедуры?

Матрица. Методологические подходы

Матрица предполагает жесткую структуру организации разделяемого многими знания. Матричная форма – это согласованный набор свойств и признаков, упорядочивающая программа, готовая к употреблению, заготовка для заданного определенными параметрами порядка соответствия. Томас Кун вводит понятие «дисциплинарной матрицы», пересматривая принципы парадигматического развития науки. В «Дополнении 1969 года» к работе «Структура научных революций» он проясняет смысл понятия матрица: матрица «составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я в первоначальном тексте называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое. Тем не менее я не стану рассматривать их в дальнейшем так, как если бы они составляли единое целое» [Кун 1977, 237–238]. Уточняя принцип устройства матрицы, Кун, по мнению Б.Г. Юдина, стремится усилить контроль над процессом «проецирования символических конструкций на сферу опыта» [Юдин web]. К элементам матричной формы Кун относит «метафизические парадигмы», или «общепринятые предписания», а также «ценности» [Кун 1977, 241]: «Если бы мне пришлось переписать теперь книгу заново, я бы изобразил такие предписания как убеждения в специфических моделях и расширил бы категориальные модели настолько, чтобы они включали также более или менее эвристические вариан-

ты» [Кун 1977, 240]. Это важно для нас уточнение, поскольку матрица, с одной стороны, имеет произвольный, предположительный, «эвристический» характер, а с другой – основывается на «общепринятых предписаниях», то есть матрица с двух сторон разомкнута в область предположительного, не обоснованного знания. Не случайно Кун вводит в структуру дисциплинарной матрицы ценности: «В значительно большей степени, чем другие виды компонентов дисциплинарной матрицы, ценности могут быть общими для людей, которые в то же время применяют их по-разному» [Кун 1977, 241].

Матрица вводится Т. Куном в научный дискурс на том основании, что она является специфическим аналитическим проектом организации знания и включает не только отлаженный математический аппарат и систему обозримых аксиоматических предположений, но и проникающие в представления научного сообщества структуры, строго говоря, не подлежащие аналитическому контролю. Дисциплинарная матрица – это метафизический горизонт цельного знания, в котором эвристика и ценности являются необходимыми его звеньями. Именно благодаря такому методологическому расширению понятие «матрица» оказалось пригодным для аналитики в гуманитарных дисциплинах, в которых предмету может принадлежать открытое множество определений, рассогласованных и необозримых с точки зрения единства сущностных и акцидентальных характеристик. Это особенно относится к таким многофакторным понятиям как «цивилизационная матрица», «глобализация» («многолика глобализация»), «культура». В узком значении матричное описание содержит набор определенных признаков, по которым структурируется сложный и неочевидный в своих признаках предмет описания. Важно в этом смысле различать матричную основу, соотношенную с такими классами терминов как «объективное», «онтологическое», «категориальное», от суждений метафорического, образного или аналогизирующего порядка. На сложности формирования такого рода знания и пытается указать Т. Кун, поскольку осознает, что имеет дело с системой функционирующего научного знания, в котором существенную роль играют вписанные в него

ценности и метафизические положения. Специфической природе матрицы соответствует факторный анализ, в котором предмет тестируется посредством набора неслучайных и случайных характеристик. Этот метод коррелирует с герменевтической аналитикой Х.-Г. Гадамера, где отведено место «предрассудкам». Гадамер полагает, что предрассудки свойственны природе нашего знания: «И даже обладая историческими познаниями и прекрасно отдавая себе отчет в исторической обусловленности всего человеческого мышления о мире, а значит и в своей собственной обусловленности, мы вовсе не становимся тем самым на какую-то безусловную точку зрения. В частности, невозможно опровергнуть эту принципиальную обусловленность, заявляя, будто само признание ее желает быть совершенно и безусловно истинным, и значит, не может быть применено к самому себе без противоречия. Сознание обусловленности вовсе не снимает самой обусловленности» [Гадамер 1988, 480]. Точно так же и Т. Кун полагает, что знание, и научное в том числе, включает и принятые без аналитического контроля предположения, на которых в дальнейшем строится система суждений о предмете; именно так строится «концептуальная модель» [Кун 1977, 241]. Это тем более важно, если принимать в расчет, что культурные стереотипы формируются в «теле» иной цивилизации, с иными ценностями и иным взглядом на культурное наполнение. Матрица содержит список вопросов, на которые следует дать определенные ответы. Ответы на них демонстрируют либо совмещение с элементами матричной структуры, либо расхождения с ними. Отношение культурного отчуждения также формируется на основе матричной программы, при этом оно может принимать форму «культурного неблагополучия».

Методологически важное прояснение природы матричной конструкции мы находим у О.В. Плебанек [Плебанек 2011]. По ее мнению, цивилизационная матрица «ставит пределы культурным трансформациям, модернизационным процессам и, в том числе, является препятствием во взаимодействии между цивилизациями, интеграционными процессами» [Плебанек 2011, 106]. Матричную структуру определяют географические факторы,

когнитивные стереотипы, хозяйственный уклад, язык, система социальных связей, отношение к власти, сакральные и профанные порядки, определенные императивные установки, характеризующие должное, желаемое, допустимое в действиях и отношениях, эстетические предпочтения. Однако порядок по степени важности этих параметров в разных культурных системах различный. Именно поэтому цивилизационная матричная конструкция не является универсальной объясняющей моделью, пригодной для понимания и характеристики всякого вообще культурного явления как «основания, на котором строится уникальное социокультурное целое» [Плебанек 2011, 106].

Вопрос, который напрашивается в первую очередь, – кем строится это основание? Всякий раз, когда идут обобщения по типу «русская культура», «русский характер», «русский стиль», «русская цивилизация», мы имеем дело с частным мнением об этих предметах. Но за отдельными впечатлениями действительно проявляется общая жесткая конструкция, матричная форма, которая для Ж. де Сталь и А. де Кюстина является либо предполагаемым «общим мнением», либо «саморазумеющимся фактом», либо таким живым впечатлением, которое может быть приписано «всем». В случае с г-жой де Сталь цивилизационные признаки русской жизни выявляются светской дамой, писательницей, путешественницей, пребывание которой в России длилось с середины мая до конца сентября 1812 года. За это время и был составлен ее отчет о России. Подпадают ли представления заезжей француженки под матричную структуру, какие элементы матричной формы содержатся в ее описании российской действительности? Ответить на эти вопросы можно в том случае, если будет выявлен повторяющийся набор представлений о России, который будет проявляться в других подобного рода «отчетах».

Коль скоро речь заходит о матричной структуре, следует признать, что существуют некоторые очевидные ожидания (в гадамеровском обозначении – «пред-рассудки»), предполагаемые соответствия определенным стереотипам как основаниям сверки для эмпирического материала, который должен извлекаться, упорядочиваться и оцениваться в

соответствии с матричной основой. Стереотипы в целом формируют фокус восприятия иной культуры, не похожей на свою собственную. Матричная система оценки состояния культуры – это жесткая структура определенного порядка и устройства, соответствие которым означает «правильное», «нормальное» культурное существование, а несоответствие является признаком «культурного неблагополучия». Признаки культурного неблагополучия также могут быть сформированы в определенную матричную форму. Это неблагополучие может быть экономического, политического, бытового характера.

Нашей целью является прояснить логику производства матрицы «культурного неблагополучия».

Какие признаки включаются в матричную конструкцию «культурного неблагополучия» русских? В своем опусе о России А. де Кюстина поясняет, как следует автору подавать предмет своего описания, чтобы, с одной стороны, автору не казаться утомительным, а с другой – быть убедительным: «С помощью главной мысли, идеи, которую вы невольно, безотчетно будете применять ко всему! Эта идея станет нитью, которая свяжет меж собою все остальные мысли и проведет вас самого сквозь хаос самых противоречивых ваших впечатлений» [Кюстин 2008, 224]. У Кюстина несколько таких идей, которые формируют корпус его представлений о России: 1) Россия – это огромное пространство, не поддающееся цивилизованному обустройству (он употребляет слово «пустыня»); 2) в России нет ничего подлинного, вся культура подражательная; 3) самый главный предрасудок (в гадамеровском обозначении – допущение) всех суждений о России де Кюстина: «Россия не «мы».

Пространственная и временная безмерность, точнее, сверхмерность российской территории и истории стоит на первом месте и формирует настоящую фобию: бесконечность становится навязчивым образом России для де Сталь и для де Кюстина. Пожалуй, это самый устойчивый стереотип восприятия российской действительности: «Бесконечной казалась мне эта страна, и целая вечность нужна, чтобы ее пройти» [1812 год... 1991, 25]. Для А. де Кюстина вся Россия – это бескрай-

ная неживописная степь. Россию он называет «страной пустынь и степей» [Кюстин 2008, 60]. Его приводит в уныние «однообразие бескрайних сырых и серых степей, простирающихся вокруг Петербурга» [Кюстин 2008, 108]. Набор матричной «шкалы ценностей-пороков» [Юдин web] у Кюстина, действительно, жесткий. Российское пространство («степь», «пустыня», «пустырь», «бескрайняя равнина») – это образы неосознанной метафоричности французских авторов, за которыми стоит многое. Это и масштаб государственных территорий, якобы чуждых европейскому чувству обустроенности и порядка. Россия территориально сверхмерна. Однако не будем упускать из виду стремление самой Франции расширить свои границы за счет африканских и североамериканских колоний, которыми прирастала Франция, начиная с XVI столетия. Кроме того, не следует забывать о совсем недавнем наполеоновском нашествии на Россию французов. Что искали они в «российских степях»? И что нашли? И еще: пространство русских территорий определяет дух русского воинства и воинской доблести, что всего более неприятно французскому автору. Весьма показательно, что де Кюстин ни разу не упомянул имени Бонапарта – это имя никак не вписывается в матрицу русского неблагополучия. Тема необустроенности пространства для де Кюстина выражается еще и в том, что, по его мнению, русские не так, как ему представляется правильным, обходятся с достижениями европейской культуры, и вся столичная классицистическая архитектура неуместна на российской земле. Русские строят классицистические ансамбли, заимствуют их формы у греков и римлян, но это, по его мнению, смотрится нелепо на невских берегах.

Стоит, однако, отметить, что и ампир, стиль, изобретенный французами, имеет своими истоками античные Грецию и Рим, а также итальянское Возрождение. Ампир, выдуманный в кабинетах французской Академии архитектуры, во Франции не реализовался по многим причинам, поскольку появился в неблагоприятное для строительства время. Однако сами французы разменяли его на мелочи – стиль одежды, посуды, мебели. Здания в стиле ампир смогли воплотиться в архитек-

турных ансамблях благодаря российским зодчим. Во Франции этот стиль остался только в макетах и проектах. Наполеон Бонапарт хорошо содержал архитектурную академию, но не желал ничего строить. Ампириная ансамблевая архитектура, требующая огромного пространства, поскольку она рассчитана на объединение в единое целое площадей, улиц, набережных, благодаря остающемуся еще в середине XIX века незастроенному в центре Петербурга пространству утвердилась усилиями архитекторов К. Росси, А.Д. Захарова, Т. де Томона, А.Н. Воронихина. Нужен был особый дар, чтобы видеть эти масштабные проекты, особое, несвойственное Кюстину восприятие, чтобы читать эту книгу великой, соразмерной Витрувию и Пиранези архитектуры. Однако признание культурных достижений русских опять-таки не вписывается в принятую им систему матричных характеристик.

Впрочем, как и радушие и гостеприимство русских не включены де Кюстином в набор достоинств. За приязнью к чужеземцам ему мнится тайная шпиономания: «Всякий путешественник нескромен; за иностранцем с его вечным любопытством надобно наиболее вежливейшим образом приглядывать – иначе он, чего доброго, увидит вещи такими, каковы они есть, ведь это было бы в высшей степени неприлично. Короче, русские – это переряженные китайцы; они не желают сознаваться, что питают отвращение к наблюдателям из дальних стран, но если бы, подобно настоящим китайцам, осмелились пренебречь упреком в варварстве, въезд в Петербург был бы нам заказан точно так же, как в Пекин: русские принимали бы к себе только мастеровых людей, стараясь затем не отпустить работника обратно на родину. Вы сами видите, отчего хваленое русское гостеприимство кажется мне не столько лестным или трогательным, сколько досадным» [Кюстин 2008, 308]. По-особому устроена и логика восприятия российской действительности Ж. де Сталь. Она «не замечала народного воодушевления» (это уже в ситуации наполеоновского нашествия) и объясняла это «непостоянством характера у русских» [1812 год... 1991, 54]. Дело, вероятно, в том, что все «впечатления» от России эти два заезжих гостя привезли с собой уже готовыми, уже матрично отформа-

тированными. Восприятия подобного рода определяются общим отношением, усугубленным особыми обстоятельствами, которые дают возможность выразиться сформированному матричной программой порядку вещей.

Матрица определяет не только эстетические качества предметов чужой культуры, но и возможность нравственного отношения к чужеродному, «иноному», не схожему со своим порядку вещей. Нравственный императив относиться к другому как к самому себе не совместим с матричными формами своего/чужого. Принцип гуманности предполагает отношение к любому человеку как к такому же любящему, страдающему, страстному существу, как ты сам. Но матричная форма не предполагает «встречи» в четко обозначенных границах сакрального пространства, в котором помещено все то, что можно любить, защищать, прославлять и помнить, что, собственно и является живым, не матричным комплексом реальности.

Все это объединяется в ясное для Кюстина отношение к отторгнутой, не принятой, не понятой культуре, для которого он, наконец, находит нужное выражение – «ненависть»: «в глубине огромной Российской империи, где расстояния благоприятствуют и бунту и гневу, я проникаюсь ненавистью к этой стране, ее правительству и всему населению; меня охватывает неизъяснимая тоска и желание бежать отсюда» [Кюстин 2008, 137]. Основа описания иной не родственной цивилизации – эмпатическая, и именно она управляет логической структурой, подстраивает ее под свои нужды. Кюстин ненавидит Россию, и это чувство управляет его пониманием ее. С простодушием, граничащим с цинизмом, де Кюстин проливает свет на основы формирования неприятия чужой культуры, вполне откровенно демонстрируя кухню производства европоцентристской матрицы культурного отчуждения. «Я не упрекаю русских в том, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы. Пока они еще необразованны – но это состояние по крайней мере позволяет надеяться на лучшее; хуже другое: они постоянно снедаемы желанием подражать другим нациям, и подражают они точно как обезьяны, оглуляя предмет подражания. Видя все это, я говорю: эти люди

разучились жить как дикари, но не научились жить как существа» [Кюстин 2008, 138]. Существа «высшего порядка», надо полагать, следует продолжить эту мысль де Кюстина. Кюстин скован завезенными контрабандой матричными представлениями. Мир скучного человека тусклый и безжизненный не потому, что он таков на самом деле, но потому, что у него нет способа преобразования его в живой, блистающий и прекрасный мир. В понимании российской действительности Астольфа де Кюстина и Жермены де Сталь обнаруживаются характеристики их собственного мира, той реальности, которую они *реализуют* в качестве «внешней», «объективной» и «очевидной». Смыслы выявляются как прямые непосредственные корреляты общего понимания реальности и подчиняются любви или ненависти к миру, художественной страсти и множеству предрассудков.

Кюстин приезжает в чужую страну с самим на себя возложенной миссией цивилизационного инспектирования и надзора за успехами в продвижении российского народа по пути прогресса и европейской культуры. В России XIX века проявлялось вполне определенно стремление соответствовать европейским образцам. Николай Данилевский называл это «европейничаньем», целая глава его работы «Россия и Европа» посвящена этому явлению русской жизни, опасность которой состоит в том, что такого рода подражание ведет к «бесплодному и бессильному существованию» [Данилевский 1991, 263]. Однако слишком безоглядного продвижения в сторону европейского окультуривания, даже несмотря на приданное ему Петром Первым ускорение, не случилось. Некоторые черты русского уклада и быта никак не вписывались в европейскую культурную матрицу. В частности, всех заезжих иностранцев чрезвычайно поражала русская религиозность («В наши дни русский народ самый набожный из всех христианских народов» [Кюстин 2008, 387]). Пространные рассуждения де Кюстина о христианстве во введении к его опусу свидетельствуют об абсолютном практицизме его в вопросах веры и религии. Он полагает, что, с одной стороны, никуда не деться от христианской морали, которой нет альтернативы, с другой, «одно лишь христианство способно объединять людей во

имя мира и свободы, ибо одному ему ведомо, где искать свободу» [Кюстин 2008, 11]. Но эти пустые рассуждения де Кюстина никак не приближают его к пониманию истоков и причин русской набожности, которую он отмечает на всех уровнях российской духовной жизни.

Однако все перечисленные выше авторы выступают как наивные и простодушные созерцатели того, что предполагается ими в качестве готовой внешней реальности, и никак не иначе. Прояснить, как по матричному лекалу производится эта реальность, помогут искусственные аналитики матричных заготовок «цивилизационного неблагополучия».

В эпоху постколониализма евроцентристская идеология проявляется с существенными поправками.

В понимание того, как работает матрица культурного неблагополучия, в 70-е годы XX столетия внес свою лепту Эдвард Саид. Личная, глубокая и травматичная причастность Саида «миру востока» определила и глубину его конфликта с западными (матричными) представлениями о востоке, и характер его рефлексии по поводу рецепции «востока» в западном мире: «Большая часть личных инвестиций в это исследование происходит из осознания моей собственной принадлежности к «Востоку» в качестве ребенка, росшего в двух британских колониях. Полученное мною в этих колониях (в Палестине и в Египте), а затем и в Соединенных Штатах образование носило западный характер, но тем не менее это глубокое и рано созревшее чувство [принадлежности к Востоку] у меня сохранилось. Мое исследование ориентализма было такой попыткой построить список оставшихся на мне, восточном человеке, следов культуры, чье доминирование являлось таким мощным фактором жизни для всех людей Востока [Саид 2006, 44]. В его блестящем труде «Ориентализм» выявлено множество привычных штампов, которые на деле оказываются формами извращенного понимания чужой культуры западом в целом. Комплекс фундаментальных высказываний «о» востоке Саид называет «ориентализмом». Саид блестяще проанализировал представления, в которых восток становится квази-сущностью, оставаясь при этом базовой основой

западных интерпретаций огромного анклава культур. По его мнению, восток не присутствует в западной культуре, а подменяется «унизительными стереотипами» [Саид 2006, 535]. Восток, включенный в жизнь западных цивилизаций, но не принятый в ней в своей подлинности – это уже не существующий на безопасном расстоянии чужой закрытый мир, но мир, запертый в качестве отдельных небезопасных районов в европейских столицах.

Теоретическая позиция идеолога европоцентристской, точнее англосаксонской идеи культурного благополучия в XX веке выражена Самуэлем Хантингтоном. Однако существует некоторое несоответствие между идеологической и практической сторонами этой позиции. В предисловии к сборнику по международному междисциплинарному исследованию «Культура имеет значение» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002] его инициатор С. Хантингтон в предисловии, названном «Культуры – это серьезно» ставит вопрос, который кажется риторическим: «Так *помогает* или *мешает* культура общественному прогрессу? И если мешает, то поддается ли она изменению?» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002, 8]. Да, культура, согласно мнению Хантингтона, может тормозить прогресс, и тогда следует ее модернизировать и привести в соответствии со стандартами технического развития и либеральными ценностями. В первую очередь модернизации по западному образцу подлежат экономика (первый раздел коллективного труда под редакцией Хантингтона), затем ревизии подлежат политическое устройство (вторая часть), в третьей наступает очередь «антропологических дебатов», которые имеют своей целью пересмотр религиозных ценностей и «моральных карт», затем в ход пускаются примеры удачных преобразований по западным стандартам из современной глобалистики (на основании опыта «азиатских тигров»), и, наконец, в последней части коллективного труда подступаются к анализу «ментальных моделей» и «сознания нации» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002].

Рассуждения Хантингтона продолжает Лоуренс Харрисон, другой вдохновитель этого исследования. В программной статье, озаглавленной «В чем значение культуры?», он придает этому фундаментальному понятию

узко-прикладной смысл и главным образом «уделяет внимание культурным ценностям и установкам, способствующим (или, напротив, препятствующим) прогрессу» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002, 19].

Среди сомневающихся в безусловном значении прогрессистского развития состоят антропологи, которые держат дистанцию по отношению к европоцентристским комбинациям и стоят на позициях культурного релятивизма, то есть отмечают культурные иерархии по экономическим показателям и признают цивилизационную значимость культурного многообразия, независимо от экономического уровня, который часто бывает несоизмеримым с технологически продвинутыми преуспевающими западными обществами: «Многие убеждены, что любая культура по определению гармонична и гибка и что следствием внешнего вмешательства в ее целостность неизменно оказываются конфликты и страдания» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002, 25]. Лучше не скажешь! Однако в контексте рассуждений Харрисона это положение подлежит тотальной критике как экономически некорректное. Пафос европоцентристов состоит в том, что правильное понимание западной культуры приводит к пониманию ее жизненной силы и привлекательности для остального мира. Однако это мало согласуется с главным его тезисом о том, что западный опыт уникален, а не универсален. Если допустить, что сила и превосходство запада состоит в его уникальности, то следует также признать невозможность в полной мере стать «западным миром» для не западных культур. На деле эта теоретическая позиция означает следующее: будьте как мы, но помните, что такими, как мы, вы не сможете быть никогда.

В том же издании Ричард Шведер в статье «Моральные карты, уловки “первого мира” и новые Евангелисты» иронически оценивает попытки культурных благодетелей редуцировать значение культуры к экономическому процветанию: «Вы предпочитаете выдумывать всевозможные индикаторы «качества жизни», с помощью которых можно составить таблицу культур, цивилизаций и религий от наилучших до наихудших?» [Харрисон, Хантингтон (ред.) 2002, 189]. Джеймс

Дэвидсон Хантер и Джошуа Йетс приводят несистематизированный перечень сегодняшних цивилизационных соблазнов – брендов, гаджетов и развлечений. В него входят: поп-музыка MTV, мобильный телефон, бодибилдинг, заведения фаст-фуда, небоскребы, джинсы, универсальные магазины, религиозные сети типа New Age, индустрия тела, компьютеры, рэп, зрелища голливудской киноиндустрии и многое другое [Хантер, Йетс 2004, 341–375]. Проблему агрессии экономически продвинутой капиталистической культуры отмечал идеолог постколониальных исследований Франц Фэнон: «И в отстающих странах молодые люди имеют доступ к сомнительным досуговым развлечениям, предназначенным для молодежи капиталистических стран – к детективным романам, игровым автоматам, эротическим фотографиям, порнографической литературе, фильмам, ограниченным к просмотру по возрасту, и, прежде всего, к алкоголю. Но на Западе семейный круг, образование и относительно высокий уровень жизни рабочего класса обеспечивает более или менее эффективную защиту от вредного воздействия этих факторов риска» [Fanon 1963, 202]. Никуда не деться от образов вестернизированного благополучия, выражающихся в финансовой доступности продукции, ее провокативной навязчивости и иллюзией достигнутого достатка. «Но рано или поздно становится очевидным, что не во власти колониалистов претворить на практике проект экономических и социальных реформ, которые удовлетворили бы чаяниям колонизированных народов... Результатом колонизации оказывается существование “между небом и землей” с пустой головой и пустыми глазами» [Fanon 1968, 6].

Итак, взгляды Ж. де Сталь, А. де Кюстина, С. Хантингтона, Л. Харрисона объединяет матричная программа оценки культуры, настроенной на жесткую оппозицию «своего» (правильного, разумного, просвещенного, прогрессивного) представления о должном в культуре и «иного» (со всеми противоположными оценками, т. е. нелогичного, грубого, неразвитого и т. д.). Матрица «культурного неблагополучия» реализуется как жесткая система значений на разных уровнях понимания своего и чужого в культуре.

Модель европоцентризма сформирована как основа безусловного «позиционального превосходства» запада [Саид 2006, 16]. Идея европейского превосходства навсегда встроена в компаративистский корпус цивилизационных позиций и всегда управляет тактикой сопоставления западных и не западных контрагентов. В этой матрице нам всегда предназначена позиция слабой стороны, жертвы. Именно поэтому европоцентризм своим следствием имеет разнообразные дестабилизирующие протестные реакции против установленного превосходства, против империализма и колониализма как его побочного продукта. На всех стадиях европоцентристской политики осуществляется практика культуртрегерства как навязанного представления о «подлинной культуре». Поскольку европоцентризм – это конструкция абстрактного превосходства, персональные качества не имеют в ней решающего значения, всегда в ней оказываешься «русским», «славянином», «арабом» «индийцем» или «индейцем» в первую очередь. Европоцентризм способствует вовлеченности в дегуманизирующую идеологию. Матричная конструкция, однако, помогает выявить «представления о том, что такого делаем «мы», чего «они» не могут ни сделать, ни понять» [Саид 2006, 24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
- Данилевский 1991 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., послесловие и коммент. С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991.
- Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977.
- Кюстин 2008 – *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008.
- Плебанек 2011 – *Плебанек О.В.* Цивилизационная матрица как категория геополитики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 1. С. 106–113.
- Саид 2006 – *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006.

- 1812 год... 1991 – 1812 год. *Баронесса де Сталь в России* // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев: пер. с фр. Л.: Лениздат, 1991. С. 19–65.
- Хантер, Йетс 2004 – Хантер Д.Д., Йетс Д. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Харрисон, Хантингтон 2002 – Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? М.: Московская школа политических исследований, 2002.
- Юдин web – Юдин Б.Г. Дисциплинарная матрица [Новая философская энциклопедия] // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45526a2c2c9b435a140?p.s=TextQuery>.
- Fanon 1968 – Fanon F. *On National Culture*. New York: Grove Press, 1968.
- Fanon 1963 – Fanon F. *The wretched of the earth* / publ. by Grove Weidenfeld. New York, NY: Grove Press, 1963.
- Danilevsky N.Y., 1991. *Russia and Europe*. Moscow, Kniga Publ., 1991.
- Kuhn T., 1977. *The structure of scientific revolutions. With an introductory article and additions 1969*. Moscow, Progress Publ.
- Custine A. de, 2008. *Russia in 1839*. Saint Petersburg, Kriga Publ.
- Plebanek O.V., 2011. Civilization matrix as a category of geopolitics. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, no. 1, pp. 106-113.
- Said E.V., 2006. *Orientalism. Western concepts of the East*. Saint Petersburg, Russkiy Mir. Publ.
- 1812 year. Baroness de Stael in Russia, 1991. *Russia of the first half of the 19th century. through the eyes of foreigners*. Leningrad, Lenizdat, pp. 19-65.
- Hunter D.D, Yates D., 2004. The World of American Globalizers. *Berger P., Huntington S. (eds.) Mnogolikaya globalizatsiya*. Moscow, Aspect-Press Publ.
- Kharrison L., Khantington S. (eds.). *Culture matters: How Values Shape Human*, 2002. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002.
- Yudin B.G., 2010. Disciplinary matrix. *New philosophical encyclopedia*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45526a2c2c9b435a140?p.s=TextQuery> (accessed 15 May 2020).
- Fanon F., 1968. *On National Culture*. New York, Grove Press.
- Fanon F., 1963. *The Wretched of the Earth*. New York, Grove Press.

REFERENCES

Gadamer H.-G., 1988. *Truth and Method: Fundamentals of Philosophy. Hermeneutics*. Moscow, Progress Publ.

Information About the Author

Vera A. Serkova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Social Sciences, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Polytekhnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russian Federation, henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>

Информация об авторе

Вера Анатольевна Серкова, доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>